

Содержание

Предисловие	7
Часть А. 10 величайших заблуждений противников капитализма	15
1. «Капитализм несет ответственность за голод и бедность»	17
2. «Капитализм ведет к росту неравенства»	38
3. «Капитализм несет ответственность за разрушение окружающей среды и изменение климата»	64
4. «Капитализм раз за разом приводит к новым финансово-экономическим кризисам»	89
5. «В капитализме доминируют богатые, они определяют политическую повестку»	106
6. «Капитализм ведет к монополиям»	123
7. «Капитализм способствует развитию эгоизма и алчности»	145
8. «Капитализм побуждает людей покупать товары, которые им не нужны»	162
9. «Капитализм ведет к войнам»	190
10. «Капитализм означает, что всегда существует опасность фашизма»	207
Часть Б. Антикапиталистические альтернативы	221
11. Социализм всегда хорошо выглядит на бумаге (кроме тех случаев, когда эта бумага находится в учебнике истории)	223
Часть В. Образ капитализма в общественном мнении России и мира	263
12. Что думают о капитализме в России	265
12.1. Отношение к экономической свободе в России	271
12.2. Что ассоциируется у россиян с понятием «капитализм»?	276
12.3. 18 положительных и отрицательных утверждений о «капитализме»	280
12.4. Половая принадлежность и образование	285
12.5. Теории заговора и отношение к капитализму	287
Резюме	288
13. Что думают о капитализме люди в Азии, Европе и США	293
13.1. Что люди думают об экономической свободе?	294

13.2. Что люди думают о капитализме в целом?	297
13.3. Какое влияние оказывает использование слова «капитализм»?	298
13.4. Каковы наиболее распространенные положительные и отрицательные мнения о капитализме?	300
13.5. Какую роль играет политическая принадлежность?	304
13.6. Какую роль играет возраст?	307
13.7. Какую роль играет доход?	309
13.8. Какую роль играет пол?	309
13.9. Какую роль играет образование?	312
13.10. Влияние конспирологического мышления	312
13.11. Отношение к капитализму и богатым	319
Резюме	319
ЗАКЛЮЧЕНИЕ: АНТИКАПИТАЛИЗМ	
КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕЛИГИЯ	324
ПРИЛОЖЕНИЕ 1	341
<i>Вейинг Чжан. Рыночная экономика и общее процветание</i>	<i>343</i>
Введение	343
Взгляд на чудо рыночной экономики из истории	346
Рыночная экономика — это сотрудничество между незнакомыми людьми	349
Прибыль — это разрешение боссу взять на себя ответственность	350
Богатые в рыночной экономике избираются потребителями, обладающими денежными голосами	353
Обычные люди больше всего выигрывают от рыночной экономики	355
Рынок делает распределение доходов более справедливым	357
Опасайтесь «зависти» под видом «справедливости»	361
ПРИЛОЖЕНИЕ 2	367
Анкета	369
БИБЛИОГРАФИЯ	373
ОБ АВТОРЕ	395
ССЫЛКИ И КОММЕНТАРИИ	397
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	415

ПРЕДИСЛОВИЕ

В общественном сознании капитализм ассоциируется со всем, что в мире пошло не так. Для многих, и не только для приверженцев политической религии антикапитализма, само это слово является синонимом абсолютного зла. Куда бы вы ни посмотрели, у капитализма не так много друзей или союзников — несмотря на то, что он был самой успешной экономической системой в истории человечества.

Самый большой трюк противников капитализма — сравнение реальной системы, при которой мы живем, с идеалом совершенного мира их мечты, идеалом, которого не существует и никогда не существовало нигде в мире. Противники капитализма полагаются на то, что большинство людей мало знают об истории, о крайней нищете и бесчеловечных условиях, в которых жили наши предки до появления капитализма. И они знают, что большинство людей сегодня мало что узнали от своих учителей в школе или университете о жестоких и бесчеловечных условиях при социализме.

Наконец, они рисуют будущее в самых черных тонах, приписывая все проблемы и кризисы не провалам государства, а якобы недостаткам рынка. А тот факт, что все без исключения антикапиталистические системы заканчиваются крахом, социалисты не желают принимать. У них всегда наготове ответ: «Это был не “истинный” социализм!», — вслед за чем они уверенно заявляют, что после 100 лет неудачных социалистических экспериментов они наконец нашли правильный рецепт работающего социализма.

Капитализм — это экономическая система, основанная на частной собственности и конкуренции, при которой компании сами вольны определять, что и сколько они производят, и в этом им помогают цены, устанавливаемые рынком. Центральную роль в капиталистической экономике играют предприниматели, которые разрабатывают новые продукты и открывают

новые рыночные возможности, и потребители, чьи индивидуальные решения о покупке в конечном итоге определяют успех или неудачу предпринимателя¹. По своей сути капитализм является предпринимательской экономической системой, и для ее описания наиболее подходящий термин — экономическая теория предпринимательства (*entrepreneurial economics*).

При социализме, напротив, преобладает государственная собственность, нет ни реальной конкуренции, ни реальных цен. Прежде всего отсутствует предпринимательство. Какие товары и в каком количестве производятся, определяют государственные органы централизованного планирования, а не частные предприниматели.

Но ни одна из этих систем не существует в чистом виде нигде. В действительности все экономические системы являются смешанными. При социалистических системах в реальном мире существовала и существует ограниченная частная собственность на капитальные блага и средства производства и следы свободной рыночной экономики (в противном случае они рухнули бы гораздо раньше). А в современных капиталистических странах присутствуют многочисленные элементы социализма и плановой экономики (которые часто мешают функционированию рыночной экономики и, соответственно, искажают ее результаты).

В книге «Сила капитализма» я разработал «теорию», которую теперь называю «теорией пробирки». Это не столько теория, сколько метафора, которую можно использовать для лучшего понимания исторических событий: представьте себе пробирку, содержащую элементы государства и рынка, социализма и капитализма. Затем добавьте в эту пробирку больше рынка, как это делают китайцы с 1980-х годов. Что мы наблюдаем? Снижение уровня бедности и рост благосостояния. Или добавьте в пробирку больше государства, как это делают социалисты в Венесуэле с 1999 г. Что происходит? Больше бедности и меньше процветания.

Во всем мире мы видим эту борьбу противоположностей: рынок против государства, капитализм против социализма. Это диалектическое противоречие, и развитие страны — большее или меньшее процветание — зависит от развития

соотношения между рынком и государством. Если в 1980—1990-х годах мы наблюдали усиление рыночных сил во многих странах (Дэн Сяопин в Китае, Маргарет Тэтчер и Рональд Рейган в Великобритании и США, реформы в Швеции и в начале 2000-х годов в Германии), то сегодня, похоже, во многих странах верх берет другая сторона — государство. На уровне идей антикапитализм снова вошел в моду и все больше формирует мышление нового поколения журналистов и политиков.

Во время моих поездок по миру с целью продвижения книги «Сила капитализма» мне часто задавали вопросы, которые я не рассматривал в этой книге, например: а как насчет деградации окружающей среды? Или: не потеряны ли человеческие ценности в капитализме, не играет ли все остальное в конечном итоге второстепенную роль в погоне за прибылью? И не существует ли фундаментального противоречия между демократией и капитализмом? В конце концов, когда мы смотрим на США, люди спрашивают: разве не ясно, что политические результаты определяются не большинством избирателей, а большими деньгами? А разрыв между богатыми и бедными, который, как постоянно сообщают СМИ, постоянно увеличивается? А что вы скажете о глобальных монополистах, таких как «Гугл» и «Фейсбук», которые становятся все более и более могущественными? И разве не капитализм виноват в военных конфликтах по всему миру, и разве не он породил ужасные диктатуры, включая национал-социалистический режим Гитлера в Германии? Наконец, люди, которые сомневаются или отчаиваются в капитализме, спрашивают: не следует ли нам попробовать альтернативы капитализму? Вот некоторые из вопросов, которые я рассматриваю в этой книге.

Читая последующие главы, вы скоро поймете, что я не спору на теоретическом уровне. Противники капитализма любят обсуждать теории, потому что они знают, что в концептуальных дискуссиях не всегда легко решить, кто прав, а кто виноват, и потому что им нравится воспарять к высотам абстракции. Однако для большинства людей теории и абстрактные экономические модели слишком неосвязаемы и сложны для понимания. Это первый недостаток. Второй, еще более серьезный: некоторые теории соблазнительны, потому что они согласуются с тем,

что, как нам кажется, мы знаем, с нашими предубеждениями о мире. Если они последовательны, увлекательно сформулированы, хорошо представлены и, прежде всего, согласуются с тем, что, как нам кажется, мы уже знаем, они обладают большой привлекательностью. Я считаю, что важнее сначала убедиться в том, что факты, на которых основана теория, действительно верны. И именно это является большим местом теорий, продвигаемых противниками капитализма: они не соответствуют историческим фактам, они просто усиливают наше предрассудки в отношении мира.

Некоторые сторонники капитализма также любят обсуждать экономические модели. Я ничего не имею против этого, и такие модели имеют свое обоснование. Однако я считаю, что, прежде чем решать, кто прав, гораздо разумнее обсуждать исторические факты, а не вступать в дебаты по поводу теоретических моделей.

В этой книге я придерживаюсь следующего подхода: в части А я подробно останавливаюсь на аргументах, которые неоднократно приводились против капитализма. В средней части, части Б, я рассматриваю вопрос об альтернативах капитализму. Социализм всегда хорошо выглядит на бумаге — за исключением тех случаев, когда на этой бумаге напечатан учебник истории.

Третий раздел, часть В, посвящен популярным представлениям о капитализме. Возможно, вы уже читали переведенные на русский язык книги «Просвещение продолжается» Стивена Пинкера или «Фактологичность» Ханса Рослинга? Я был очарован этими книгами, потому что они доказывают, насколько ошибается большинство людей, считающих, что в прошлом все было лучше, а сейчас мир становится хуже. Существует поразительное противоречие между данными социологических опросов о том, как большинство людей воспринимают окружающий мир, и фактами. То же самое относится и к мнению людей о капитализме, где существует резкое расхождение между историческими и экономическими фактами, с одной стороны, и представлениями людей — с другой. Я знаю это, потому что в рамках крупномасштабного международного исследовательского проекта я задавал людям в 14 странах вопрос о том, что они думают о капитализме.

Основная цель этой книги — не вступить в полемику с другими учеными, а оспорить популярные мнения о капитализме. Тем не менее в некоторых главах я напрямую обращаюсь к аргументам, выдвинутым рядом выдающихся антикапиталистических интеллектуалов — таких как Тома Пикетти, Наоми Кляйн и Ноам Хомски, — а также в книгах и статьях, написанных учеными, критически относящимися к капитализму. Я делаю это прежде всего тогда, когда считаю, что их тезисы нашли признание среди более широких слоев населения. Конечно, большинство людей, придерживающихся антикапиталистических взглядов, никогда не читали трудов Карла Маркса или современных критиков капитализма. Но многие из их тезисов — переданные СМИ, университетами и школами — попали в общее сознание и даже считаются, по крайней мере частично, общепринятой мудростью, несмотря на многочисленные ошибки.

Вы также увидите, что, хотя некоторые из этих тезисов могут показаться довольно новыми и инновационными (например, критика потребления), на самом деле они гораздо старше. Хотя аргументы, выдвигаемые в поддержку антиконсюмеризма, могли меняться — одно время движение было озабочено разрушением культуры, затем предполагаемыми опасностями «отчужденного потребления», теперь — изменением климата, — цель всегда оставалась одной и той же: капитализм. Постоянно меняющаяся аргументация антиконсюмеристов позволяет предположить, что обоснование не так важно, как реальная цель. Некоторые противники капитализма, включая Наоми Кляйн, даже открыто признавались, что заинтересовались такими проблемами, как изменение климата, только когда обнаружили, что эта проблема является новым эффективным оружием в борьбе против того, к чему они испытывают самое большое отвращение, — против капитализма.

Критики, вероятно, обвинят меня в «односторонности». Это потому, что многие факты и аргументы, которые я привожу в этой книге, опровергают многие «истины» о мире, в которые большинство людей привыкло верить. Она также будет противоречить нарративу, который пропагандируется значительной частью средств массовой информации (к этому вопросу я вскоре перейду).

Из сказанного выше становится понятным, что обязательным предварительным требованием к читателю этой книги является открытость к фактам, которые могут бросить вызов вашему взгляду на мир. В ходе нашего международного исследования мы предложили респондентам из 14 стран 18 утверждений, чтобы выяснить их мнение о капитализме. Одно из утверждений, которое вызвало мало согласия, касалось того, что капитализм улучшил условия жизни простых людей во многих странах мира, — гораздо больше респондентов считают, что капитализм несет ответственность за голод и бедность. Цифры, которые я привожу в первой главе этой книги, ясно показывают, что верно прямо противоположное.

Однако в отношении голода и бедности очень трудно вести дискуссию, основанную на фактах. Чем сильнее эмоционально окрашена тема, тем меньше люди готовы воспринимать эмпирические данные, противоречащие их собственному мнению, что раз за разом подтверждается научными экспериментами и исследованиями.

В ряде почти одинаковых репрезентативных опросов, проведенных за последние три десятилетия, исследователи клали перед респондентами лист бумаги с картинкой и диалоговым окном и описывали изображенную ситуацию: «Сейчас я хотел бы рассказать вам об инциденте, который произошел на днях на панельной дискуссии по [далее следуют различные эмоционально поляризующие темы, такие как генная инженерия, изменение климата, ядерная энергия, загрязнение воздуха и т.д.]. Эксперты говорили о рисках и последних тенденциях в этой области. Вдруг кто-то из аудитории вскакивает и что-то кричит участникам дискуссии и зрителям». Затем исследователи попросили респондентов посмотреть на этого человека и на диалоговое окно на бумаге, в котором было написано: «Какое мне дело до цифр и статистики в данном контексте? Как вы вообще можете говорить так холодно, когда на карту поставлено выживание человечества и нашей планеты?». Под диалоговым окном был напечатан вопрос: «Как вы считаете: этот человек прав или не прав?» Этот вопрос неоднократно задавался в течение 27 лет в 15 различных репрезентативных опросах на самые разные эмоциональные и дискуссионные темы.

Большинство респондентов неизменно соглашались с тем, кого не интересовали факты. В среднем 54,8% опрошенных утверждали, что тот, кого не интересовали факты, был прав, и только 23,4% не соглашались с ним².

При написании этой книги я ни в коей мере не заинтересован в том, чтобы занять искусственную «центристскую» позицию или приспособиться к ошибочным мнениям большого количества людей, когда факты неоспоримы. Тем не менее, учитывая сотни книг, написанных с целью осуждения капитализма, нет ничего плохого в том, чтобы написать книгу в его защиту. В любом судебном деле обвиняемому всегда предоставляется адвокат. Судья — в данном случае это вы, уважаемый читатель, — выносит решение только после того, как будут представлены все факты. В данном случае это факты в пользу капитализма. Суд, в котором нет защиты, а прокурор и судья находятся в сговоре, — это показательный суд. К сожалению, дебаты о капитализме чаще всего напоминают показательный, а не справедливый суд.

Наконец, я хотел бы поблагодарить ученых и друзей, которые помогали мне своей поддержкой и критическими замечаниями по поводу этой книги. Некоторые читали отдельные главы, другие — всю рукопись. Я благодарю проф. Йорга Баберовски, д-ра Даниэля Бультмана, проф. Юргена В. Фальтера, проф. Томаса Хекена, д-ра Кристиана Хиллера фон Гертрингена, д-ра Гельмута Кнепеля, проф. Экхарда Йессе, проф. Ханса Матиаса Кепплингера, проф. Герда Коммера, проф. Штефана Кутса, проф. Вольфганга Михалка, Райнхарда Мора, д-ра Кристиана Нимица, проф. Вернера Плюмпе, проф. Мартина Ронхаймера, проф. Вальтера Шайделя, проф. Германа Симона, проф. Франка Трентманна, проф. Бернд-Юргена Вендта и проф. Эриха Веде.

Я выражаю особую благодарность доктору Томасу Петерсену из Института Алленсбаха, который на протяжении многих месяцев руководил международным исследовательским проектом, и моему другу Ансгару Гроу, который вновь приложил свои силы для квалифицированного редактирования этой книги.

ЧАСТЬ А.

10 ВЕЛИЧАЙШИХ
ЗАБЛУЖДЕНИЙ
ПРОТИВНИКОВ
КАПИТАЛИЗМА

1 | «КАПИТАЛИЗМ НЕСЕТ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ГОЛОД И БЕДНОСТЬ»

Капитализм часто обвиняют в голоде и нищете в мире. Что вы думаете? Уменьшилась, увеличилась или осталась прежней доля населения мира, живущего в бедности, за последние несколько десятилетий?

В 2016 г. 26 000 человек в 24 странах было предложено высказать свое мнение о росте абсолютной бедности за последние 20 лет. Только 13% респондентов считали, что уровень бедности снизился. Напротив, 70% считали, что уровень бедности вырос. Это заблуждение было особенно сильно в промышленно развитых странах: например, в Германии всего лишь 8% респондентов считали, что доля людей, живущих в абсолютной бедности, во всем мире снизилась. Исследование, проведенное социологической компанией Ipsos MORI в 2017 г., пришло к аналогичному выводу. Так, только 11% респондентов в Германии были убеждены, что абсолютная бедность в мире снизилась, по сравнению с 49% опрошенных в Китае³. Абсолютная бедность определяется по стоимости корзины основных товаров и услуг. Тот, кто не может приобрести эту корзину товаров, считается бедным в «абсолютном» выражении⁴.

До появления капитализма большинство людей в мире жили в крайней нищете. В 1820 г. около 90% населения планеты жили в абсолютной нищете. Сегодня этот показатель составляет менее 10%. И что особенно примечательно: в последние десятилетия, после падения коммунизма в Китае и других странах, снижение уровня бедности ускорилось до темпов, несравнимых ни с одним предыдущим периодом истории человечества. В 1981 г. уровень абсолютной бедности составлял 42,7%, к 2000 г. он снизился до 27,8%, а в 2021 г. составил менее 10%⁵.

Решающее значение имеет этот главный тренд, сохраняющийся на протяжении десятилетий. Правда, вопреки первоначальным ожиданиям Всемирного банка, который собирает эти данные, за последние пару лет уровень бедности вновь вырос. Но это в основном результат глобальной пандемии ковид-19, которая усугубила ситуацию в странах, где бедность и так была относительно высокой.

Другие долгосрочные тенденции также дают повод для оптимизма. Например, во всем мире значительно сократилось число детей, занятых детским трудом: с 246 млн в 2000 г. до 160 млн 20 лет спустя, в 2020 г.⁶ Причем снижение произошло несмотря на то, что за тот же период население планеты выросло с 6,1 до 7,8 млрд человек.

Чтобы понять проблему бедности, необходимо обратиться к истории. Многие люди считают, что первопричиной глобальной бедности и голода является капитализм. У них совершенно нереалистичное представление о докапиталистической эпохе. Йохан Норберг, автор книги «Прогресс», в молодости сам придерживался антикапиталистических взглядов. Однако он признается, что никогда не задумывался о том, как жили люди до Промышленной революции: «Я думал об этом скорее как о современной экскурсии в сельскую местность»⁷. А видный немецкий политик левого толка Сахра Вагенкнехт пишет в книге «Убежденные в своей правоте», что до капитализма люди «безусловно, жили крайне аскетично», но восхваляет такие условия за то, что они способствуют «гораздо более спокойной жизни с любовью к природе, жизни, интегрированной в сплоченные сообщества», которая по сравнению с капитализмом была «поистине идиллической»⁸.

В своей знаменитой статье о положении рабочего класса в Англии Фридрих Энгельс осудил условия труда при раннем капитализме в самых резких выражениях и нарисовал идиллическую картину домашнего труда до того, как механизированный труд и капитализм пришли, чтобы разрушить эту прекрасную жизнь: «Так рабочие вели растительное и уютное существование, жили честно и спокойно, в мире и почете, и материальное их положение было значительно лучше положения их потомков; им не приходилось переутомляться, они работали

ровно столько, сколько им хотелось, и все же зарабатывали, что им было нужно; у них был досуг для здоровой работы в саду или в поле — работы, которая сама уже была для них отдыхом, — и кроме того они имели ещё возможность принимать участие в развлечениях и играх соседей; а все эти игры в кегли, в мяч и т.п. содействовали сохранению здоровья и укреплению тела. Это были большей частью люди сильные, крепкие, своим телосложением мало или даже вовсе не отличавшиеся от окрестных крестьян. Дети росли на здоровом деревенском воздухе, и если им и случалось помогать в работе своим родителям, то это всё же бывало лишь время от времени, и, конечно, о восьми- или двенадцатичасовом рабочем дне не было и речи»⁹.

Энгельс продолжает: «Они были людьми “почтенными” и хорошими отцами семейств, вели нравственную жизнь, поскольку у них отсутствовали и поводы к безнравственной жизни — кабаков и притонов поблизости не было, а трактирщик, у которого они временами утоляли жажду, сам был человек почтенный и большей частью крупный арендатор, торговал хорошим пивом, любил строгий порядок и по вечерам рано закрывал свое заведение. Дети целый день проводили дома с родителями и воспитывались в повиновении к ним и в страхе божием...» Молодые люди, пишет Энгельс, «росли в идилической простоте и доверии вместе со своими товарищами по играм до самой свадьбы». Единственная негативная нотка звучит, когда Энгельс продолжает: «...но зато в духовном отношении они были мертвы, жили только своими мелкими частными интересами, своим ткацким станком и садиком, и не знали ничего о том мощном движении, которым за пределами их деревень было охвачено всё человечество. Они чувствовали себя хорошо в своей тихой растительной жизни, и, не будь промышленной революции, они никогда не расстались бы с этим образом жизни, правда весьма романтическим и уютным, но все же недостойным человека»¹⁰.

Эти и подобные романтизированные описания до неузнаваемости изменили представления многих людей о жизни в докапиталистические времена. Поэтому давайте более объективно взглянем на докапиталистическую эпоху в годы и века до 1820 г.

Бедность ни в коем случае не была вызвана капитализмом; она существовала уже давно и определяла жизнь людей на протяжении тысячелетий. У бедности нет причин, причины есть у процветания. Известный французский историк Фернан Бродель написал одну из самых авторитетных работ по социальной истории XV—XVIII вв. «Цивилизация и капитализм», в которой он пишет, что даже в относительно благополучной Европе постоянно случались депрессии и голод. Урожаи зерновых были настолько низкими, что два неурожая подряд вели к катастрофе¹¹. Во Франции, даже тогда бывшей страной привилегированной, в XVII в. случилось 11 всеобщих голодов, а в XVIII в. — 16. Как отмечает Бродель, эти подсчеты, скорее всего, слишком оптимистичны. Причем все страны Европы находились в одинаковой ситуации. Например, в Германии, где и город, и деревня постоянно страдали от голода, одна голодовка следовала за другой.

Многие считают, что к голоду и нищете привели индустриализация и урбанизация. Но Бродель пишет, что в сельской местности люди порой испытывали еще большие страдания: «Крестьянин, живущий в зависимости от купцов, от городов, от сеньоров, почти не имеет запасов. В случае голода у него не остается иного выхода, как уйти в город, кое-как пристроиться там, нищенствовать на улицах... Городам скоро пришлось обороняться от этих постоянных нашествий, в которых участвовали не одни только нуждающиеся из окрестностей, но которые приводили в движение настоящие армии бедняков, порой приходившие очень издалека»¹².

Если бы условия в городах были в целом хуже, чем в сельской местности, миллионы людей не устремились бы в города. Немецкий историк экономики Вернер Плюмпе пишет: «Пролетариат создали не возникающие профессии и отрасли промышленности; напротив, пролетариат возник исключительно потому, что существовала широко распространенная, в основном сельская неполная занятость... В действительности индустриализация помогла большому количеству людей вырваться из структурной неполной занятости и бедности и выжить в качестве промышленной рабочей силы... Капитализм, если хотите, столкнулся с нищим населением, которому буквально нечего было терять и многое можно было приобрести»¹³.

Конечно, это касалось только тех, кто нашел работу в городах и мог работать. Судьба всех остальных была незавидной. В Париже больных и инвалидов всегда помещали в больницы, а тех, кто был в состоянии работать, сковывали по двое цепями и давали тяжелую, отвратительную и бесконечную работу по очистке городской канализации¹⁴.

Во многих странах одной из самых больших проблем был Голод. В 1696/97 г. сильный голод был в Финляндии. По оценкам, умерло от четверти до трети населения. Но и в Западной Европе люди часто жили в бесчеловечных условиях. В 1662 г. выборные Бургундии докладывали королю, что «голод этого года пресек или обрек на смерть более 10 тыс. семей Вашей провинции, а треть жителей даже добрых городов вынудил питаться травой», а хронист добавляет к этому: «Некоторые люди ели человечину»¹⁵.

Рацион людей состоял из каши, похлебки и хлеба из некачественной муки, который выпекался только раз в один-два месяца и почти всегда был плесневелым и настолько твердым, что в некоторых областях его рубили топором¹⁶. Большинству людей, даже в городах, приходилось выживать на 2000 калорий в день, причем в структуре калорий более 60% потребляемой пищи составляли углеводы¹⁷. Как правило, питание состояло из пожизненного потребления хлеба, еще хлеба и каши¹⁸. Потребление хлеба было особенно высоким среди сельского населения и низших слоев рабочего класса. Согласно Леграну д'Осси, в 1782 г. чернорабочий или крестьянин во Франции потреблял два-три фунта хлеба в день, «но тот, у кого есть другая еда, не потребляет его в таком количестве»¹⁹.

В те времена люди были худыми и низкорослыми — на протяжении всей истории человеческий организм приспособился к недостаточному потреблению калорий. «Неквалифицированные работники XVIII в., — пишет Ангус Дитон в книге «Великое пробуждение», — фактически попали в пищевой капкан: они не могли много зарабатывать, потому что были физически слабы, и не могли достаточно питаться, потому что без работы у них не было денег на покупку еды»²⁰. Некоторые люди восторгаются гармоничными докапиталистическими условиями, когда жизнь была намного медленнее, но эта

медлительность была в основном результатом физической слабости из-за постоянного недоедания²¹. Подсчитано, что 200 лет назад около 20% жителей Англии и Франции вообще не могли работать. «В лучшем случае у них хватало энергии на несколько часов медленной ходьбы в день, что обрекало большинство из них на пожизненное попрошайничество»²².

В 1754 г. один английский автор сообщил: «Французские крестьяне не то что не зажиточны — они не располагают даже необходимым. Это тот род людей, который начинает чахнуть до сорокалетнего возраста... Один внешний вид французских земледельцев говорит об истощении»²³. Аналогичная ситуация была и в других европейских странах. Бродель заявляет: «Такова совокупность фактов, образующая тот биологический старый порядок, о котором мы говорили: в целом это равные права жизни и смерти, очень высокая детская смертность, голодовки, хроническое недоедание, мощные эпидемии». В некоторые десятилетия умирало даже больше людей, чем рождалось детей²⁴. «Имущество» людей ограничивалось несколькими элементарными предметами, как это видно на картинах того времени: несколько табуреток, скамейка и бочонок, служащий столом²⁵.

И умирали люди так же, как жили. В одном из парижских отчетов говорится, что мертвых зашивали в мешковину и бросали в могилу для нищих в Кламарте, недалеко от столицы, а затем посыпали негашеной известью. Похоронные процессии бедняков состояли из «забрызганного грязью священника, колокольчика и креста». И этим проходам предшествовали неопишуемые условия богадельни, где на 5000—6000 больных было всего 1200 кроватей, и поэтому «новоприбывшего положат рядом с умирающим или трупом»²⁶.

Я так подробно описал реальность жизни людей, потому что хочу показать, что это значит, когда 90% населения мира живет в крайней нищете. А ведь в других частях света люди жили в еще худших условиях, чем население Западной Европы. Выдающийся британский экономист Ангус Мэддисон специализировался на документировании экономического роста и развития в течение длительных периодов времени. На основе ряда сложнейших расчетов он определил исторический валовой внутренний

продукт (ВВП) на душу населения для некоторых крупнейших экономик мира. В 1820 г. в Западной Европе, регионе, на котором мы сосредоточились в этой главе, данный показатель составлял 1202 международных доллара²⁷. Согласно Мэддисону, ВВП на душу населения находился на аналогичном уровне в других западных странах, т.е. в Северной Америке, Австралии и Новой Зеландии. Однако в остальном мире в 1820 г. ВВП на душу населения составлял всего 580 международных долларов, или примерно вдвое меньше, чем в Западном мире²⁸.

Положительное влияние капитализма становится более очевидным, если принять долгосрочную историческую перспективу. В первый год новой эры ВВП на душу населения в Западной Европе составлял 576 международных долларов, в то время как средний мировой показатель был равен 467, что означает, что за период до капитализма, с 1 по 1820 г., в Европе он увеличился чуть более чем в два раза. А за короткий период с 1820 по 2003 г. ВВП на душу населения в Западной Европе вырос с 1202 до 19 912 международных долларов, а в других капиталистических странах Запада — до 23 710 международных долларов²⁹.

В Азии, напротив, за 153 года с 1820-го по 1973-й ВВП на душу населения вырос всего с 581 до 1718 международных долларов. А затем, за 30 лет до 2003 г., он вырос с 1718 до 4434 международных долларов³⁰.

Что же послужило толчком к такому динамичному развитию? Рост ВВП на душу населения в Азии в первую очередь связан с тем, что после смерти Мао Цзэдуна в 1976 г. Китай решил шаг за шагом, последовательно внедрять принципы капитализма. Поскольку снижение уровня бедности в мире во многом является результатом этого развития в Китае, ниже я хотел бы рассказать об этом немного подробнее.

Еще в 1981 г. до 88% населения Китая жили в крайней нищете, а сегодня этот показатель составляет менее 1%. Никогда в истории мира сотни миллионов людей не поднимались из крайней нищеты в средний класс за такой короткий период времени. Таким образом, на примере Китая можно многое узнать о том, как преодолевается бедность — не в теории, а в исторической реальности.

Но сначала давайте оглянемся назад. В конце 1950-х годов в результате «Большого скачка» Мао Цзэдуна в Китае умерло 45 млн человек. Поразительно, что большинство людей, которые изучают в школе реальные (или мнимые) проблемы, связанные с капитализмом, никогда не слышали о «Большом скачке», величайшем социалистическом эксперименте в истории.

Более подробно я писал об этом в книге «Сила капитализма», где цитировал китайского журналиста и историка Ян Цишэна: «Голод, который предшествовал смерти, был хуже самой смерти. Зерна не было, все дикие травы были съедены, даже кора была содрана с деревьев, а для наполнения желудков использовались птичий помет, крысы и хлопок. На разработках каолиновой глины голодающие люди жевали глину, когда копали ее»³¹. Нередки были случаи каннибализма. Сначала отчаявшиеся жители деревни ели только трупы животных, но вскоре они начали выкапывать мертвых соседей, чтобы приготовить и съесть. Человеческая плоть продавалась на черном рынке вместе с другими видами мяса³². В исследовании, составленном — и быстро запрещенном — после смерти Мао Цзэдуна для уезда Фэнъян, «только весной 1960 г. было зафиксировано 63 случая каннибализма, включая случай с семейной парой, которая задушила и съела своего восьмилетнего сына»³³.

В 1958 г., до «Большого скачка» Мао Цзэдуна, средняя продолжительность жизни составляла чуть менее 50 лет. Однако к 1960 г. она упала ниже 30 лет (!). Пять лет спустя, после того как голод и убийства прекратились, она снова выросла почти до 55 лет. Почти треть людей, родившихся во время самой мрачной фазы величайшего социалистического эксперимента в истории человечества, не дожили до его окончания³⁴.

После человеческой и экономической катастрофы эпохи Мао Цзэдуна китайцы начали посылать своих представителей в другие страны с миссиями по установлению фактов. Они хотели увидеть своими глазами, что представляют собой эти страны и может ли Китай чему-то у них научиться. Начиная с 1978 г. ведущие китайские политики и экономисты начали активно ездить в другие страны. Они совершили 20 поездок в более чем 50 стран, пытаясь определить политику, которая могла бы привести Китай к экономическому успеху. Шоры

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru